

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Модернизация и культура*

В. Г. ФЕДОТОВА

(Институт философии РАН)

Статья посвящена вопросу о связи модернизации и культуры — ключевому, но концептуально не разработанному вопросу модернизационной теории. Научкой в большей степени исследована лишь связь модернизации незападного общества и его традиционной культуры, что привело к возникновению концепции национальной модели модернизации и множества модернизмов.

Ключевые слова: модернизация, культура, культура модернизма, типы современности, первая либеральная современность, вторая организованная современность, третья современность, рациональность, целерациональность.

Как ни странно, трудно сослаться на какую-либо работу с подобным заголовком или даже содержанием, несмотря на то что модернизация осуществляет рекультивацию — изменение культуры общества, в котором она происходит, и формирование новой модернистской культуры.

МОДЕРНИСТСКАЯ КУЛЬТУРА ЗАПАДА XIX в. И ДОГОНЯЮЩАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НЕЗАПАДНЫХ СТРАН

Модернизация имеет пятисотлетнюю историю. Она началась на Западе в форме перехода традиционного средневекового общества, основанного на поддержании традиции, в общество, базирующееся на инновациях. Этот переход был обозначен как Новое время, т. е. время, отличающееся иными скоростями и темпами эволюции, полученными в результате усилий человека. Этот процесс на Западе произошел под влиянием трех революций — Ренессанса, Реформации и Просвещения. Ренессанс через тысячелетие передал античное наследие,

включающее познавательное отношение к миру. Реформация утвердила новую религиозную этику — этику протестантизма, основанную на труде и бережливости, оказав влияние на формирование рациональности и капитализма. Просвещение ввело парадигму научности взамен прежней парадигмы религиозности. Робкие шаги модернизации появились еще в традиционных, наследующих средневековый религиозный опыт странах Европы. Модернизация в Европе была осуществлена эволюционно-органическим путем. Она привела Западную Европу без предзаданного плана, без мобилизации населения в новое культурное состояние, в котором не традиция, религиозное послушание и коллективизм, а инновация, христианские ценности свободы, рационализм и индивидуализм стали ведущими ценностями.

В отличие от традиционной культуры, в странах Западной Европы в результате модернизации возник первый либеральный модерн (первая либеральная современность XIX в.) и сформировалась модернистская

* Статья публикуется при поддержке РГНФ (проект «Взаимоотношение культуры и модернизации в современных проектах и процессах развития», № 12-03-00564).

культура, ставшая культурой Запада на протяжении столетий.

Это первый тип связи модернизации и культуры — формирование новой культуры Запада в результате органически осуществленной модернизации.

Все исследователи этой культуры, не различая этапов модернизации и этапов, которые проходит модернистская культура, отмечают, что *в модернистской культуре Запада преобладающее значение имеет рациональность, индивидуализм и профессионализм*. Так, целерациональность западного человека в отличие от его прежней и присущей другим народам ценностной рациональности ориентировала его на то, чтобы смотреть на свою жизнь как на путешествие, которое он тщательно спланировал. Человек воспринимал свою автономию и ответственность как схему своей деятельности, заданную модернистской культурой. Индивидуализм явился совершенно новой чертой, подчеркивающей нежелание человека жить в заранее и не им сконструированных рамках, не имея автономии и цели. Поэтому, с точки зрения известного немецкого социолога П. Вагнера, главным *не только для модернистской культуры, но и для всей современности (модернити) является автономия и мастерство*, понимаемое как совершенное владение человека своим делом, его профессионализм (Wagner, 2001: 4). Э. Геллнер определял человека модернизированного общества как модульного, т. е. способного встроиться в многообразные процессы, происходящие в этом обществе (Геллнер, 2004). Человек представляется как имеющий такую структуру сознания, что может применить свои способности в самых разнообразных начинаниях модернизирующегося и модернизированного общества, получив для этого соответствующее образование, имея *знания, понимание, умения* (отмечу, что название данного журнала является совершенно адекватным воспитанию такого автономного или модульного человека. — В. Ф.).

Однако понятие Запада не как географического региона, а как *региона модернистской культуры* включало в себя немногие страны, прежде всего Великобританию и позже США,

где модернистская культура представляла в достаточно явном виде. После Первой мировой войны Италия, Мексика, Австро-Венгрия, Германия, Испания, Португалия, Греция, СССР все еще не входили в него. После Второй мировой войны в него с трудом вошли Германия, затем Греция, Италия, Испания, Португалия, но их отсталое положение в ЕС сегодня и пришедшийся именно на них удар мирового экономического кризиса убедительно свидетельствуют о том, что они в полной мере не стали странами модернистской культуры, несмотря на план Маршалла и множество мер помощи Запада им. В большинстве этих стран еще сильны черты традиционной культуры: патернализм со стороны государства, ценностная рациональность, патриархальность, коллективные ценности, коррупция, склонность к архаизации под ударами кризиса. Хотя их культура давно не является традиционной, она не стала в полной мере и модернистской.

Перенятие модернистской культуры не обеспечивается догоняющей Запад моделью модернизации, оставаясь ее наиболее сложным пунктом даже при всех успехах модернизации в остальных сферах общества — экономической, политической, социальной, при сохранении влияния немодернистской культуры, что в конечном счете оказывает негативное влияние на процесс развития. Причина состоит в том, что именно культура содержит смыслы и схемы деятельности, а без них частичное использование этих смыслов и схем при отсутствии подпитки культурным и символическим капиталом срывается на прежде известные траектории.

Убеждение в универсальности модернизации и равнение на ее достигнутые на Западе образцы привело ряд стран незападного мира к вступлению на путь догоняющей модели модернизации. Среди них особенно заметны своими усилиями Россия, Мексика, Турция.

Используя концепцию «вызова-ответа», А. Тойнби оценил модернизацию России, проведенную Петром Первым, как ответ на вызов Запада, состоящий в его модернизации. Петр предотвратил колонизацию России Западом. Проводимая им модернизация охватила *воен-*

но-техническую сферу, частично затрагивая социальные и политические проблемы, но это был процесс или начало процесса вступления на путь достигнутого в это время Западом уровня современности (модернити), до сих пор незавершенного в России. Петр Первый изменил традиционную российскую культуру, внес в нее элементы модернизма, но его реформа не проросла в толщу российского общества. Объясняя причины этого, русский историк С. Соловьев отметил, что нравы народа указами не изменишь.

Александр II приблизил Россию к современности, проведя модернизацию в социально-политической сфере. Отмена крепостного права была важнейшим модернизационным завоеванием, оказавшим влияние на культуру и на все сферы жизни российского общества.

Коммунизм был модернизацией многих сфер общества, но этот процесс часто осуществлялся насильственными методами. Он формировал квалификацию, знания, умения лучше, чем сегодняшний российский капитализм, но не формировал автономного и ответственного индивида.

Здесь мы обнаруживаем второй тип связи культуры и модернизации, когда осуществление модернизации в отдельных сферах, не затрагивая культуры модернизирующегося общества в целом, создает предпосылки для срыва модернизации.

Идеализированной формой модернизационного процесса для незападных стран, не имеющих такого субъекта модернизации, как автономный и ответственный индивид, и стала модель догоняющей модернизации, исходящая из необходимости заимствования западного опыта во всех сферах. Эта задача рассматривалась как социально-технологическая. Но препятствием для осуществления такого подхода было различие культур и отмеченное выше отсутствие автоматизма в рекультуризации незападных стран при осуществлении модернизационных шагов в отдельных сферах. Их культура несла в себе черты и схемы деятельности прошлого, которые нередко обнажались при слишком ускоренной модернизации, к которой население не могло приспособиться, и возникал обратный эффект —

эффект отката к исторически прошлым образцам культуры — архаизация, что хорошо показано в работах А. С. Ахиезера (Ахиезер, 2001), Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2009) и других, в частности в дискуссии журнала «Философские науки» за этот год. Органическая природа культуры, ее восприятие людьми как данности, не требующей размышлений и экспликации, без всякой рефлексии приводили нередко к тому, что прежние культурные схемы не разрушались, а, напротив, усиливали свое действие. Нормы, убеждения, верования, нравы, формы поведения, аккумулированные традиционной культурой, вылезали из-под пресса навязываемой модернистской культуры иногда до такой степени, что вели к демодернизации.

Это третий тип связи модернизации и культуры, при котором традиционная культура вырывается на поверхность модернизирующегося общества и выступает как препятствие модернизации.

Отмеченная закономерность проявилась в условиях деколонизации, поставившей страны третьего мира перед альтернативой «капитализм — социализм», однако оба пути оказались ошибочными. Архаизация успешно вытаскивала из глубин традиционных культур этих народов все архаическое. Ограниченность догоняющей модели модернизации еще не была полностью осознана, но ее применение к странам, освобождающимся от колониальной зависимости, носило настолько абсурдный характер, что термин «модернизация» при содействии ЮНЕСКО перестал употребляться и был заменен терминами «развитие», «изменения».

В 1970-е годы модернизация казалась исчерпанным процессом. Появилось сомнение и в том, может ли быть продолжен модерн и модернистская культура. Несмотря на страстные призывы того времени отказаться от модернизации как завершившейся неудачей в ходе деколонизации, Ю. Хабермас лелеял надежду, что «модерн — незавершенный проект». Но постмодернистское видение культуры отбросило этот, позже подтвердившийся тезис. Постмодернизм отрицал основы модернистской культуры, показывая ее коренные изменения. Среди них — переход от автономной и профессиональной личности к массово-

му обществу. Действительно, если следовать Вагнеру, который считает автономию и профессионализм универсальными чертами модернизировать любого типа, такой вывод подрывает его позиции. Сам Вагнер выделил типы современности (модернити): первую либеральную современность XIX в., вторую организованную современность XX в. и предполагал, что будет третья современность, более удачно повторяющая либерализм XIX в. По его мнению, переход от одного типа современности к другой сопровождается глубокими кризисами, разрушением прежних конвенций и установлением новых (Wagner, 1994).

ВСЕГДА ЛИ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ ИМЕЛИ ДОГОНЯЮЩИЙ ЗАПАД ХАРАКТЕР?

Вестернизация, в том числе и культурная, всегда была присуща модернизации. Но догоняющей она была не всегда. Главное в догоняющей модели состоит не в том, чтобы заимствовать образцы западного общества в технологии, экономике, политике, социальной сфере, а в том, *чтобы стремиться стать западным человеком, отбрасывая свою культуру*. Подобное стремление не схватывает глубин модернистской культуры Запада, а перенимает внешние, часто не лучшие черты поведения, обычаев, заимствованные из поверхностных фильмов и наносных впечатлений. Хотя этого никому полностью не удалось, стремление к модернизации в культурном плане в итоге вело к попытке освоить модернистскую культуру Запада с его целерациональностью, автономией личности и профессионализмом. В 1990-е в России часто звучало: «Станем нормальной страной», т. е. западной — страной с модернистской западной культурой. Западные коллеги говорили тем русским специалистам, кто отрицал такую возможность или такой путь: «Вы расисты, вы не верите в свой народ». После неудач реформ 1990-х они же говорили: «Надо было учитывать специфику своей культуры и связанные с этим возможности модернизации». Запад не является «нормальным». Он, скорее, исключителен, ибо значительно большее число стран развивается не на основе модернистской, а на основе своей собственной культуры.

Примером может быть выделение незападного региона Европы — Восточной Европы как носителя особой, отличной от Запада культуры — «другой Европы», требующее *коррекций модели модернизации путем сочетания вестернизации и модернизации отдельных сфер с культурной спецификой*, связанной с коллективизмом, мирской, а не трудовой аскезой в православных странах, с задачами отстаивания независимости (Федотова, 1997).

Это четвертый, сегодня наиболее распространенный тип связи модернизации и культуры, обозначенный как «культура имеет значение» (Культура имеет значение..., 2002).

Примером может быть также Китай начала XX в. с характерной для него индустриализацией 1920–1930-х годов. Представляет интерес концепция А. Ли, который, вопреки принятому рассмотрению модернизации незападных стран как осуществляемой посредством мобилизации масс элитами или вследствие революции, или путем следования догоняющей модели модернизации, убедительно показал неполитический характер китайской модернизации этого периода (Lee Leo Ou-fan, 2000). Модернизация началась, по его мнению, не в Пекине — городе старинных нравов, а в Шанхае. Ответственный редактор его книги, суммируя идеи Ли, отмечает следующие черты специфики шанхайской модернизации: наличие городской культуры, способной соответствовать рынку; продолжение китайского прошлого; новые формы материальной культуры — утилитаризм вместо принятой на Западе рациональности науки и технологии; новые формы демаркации пространства, времени, частного и публичного, вызванные коммерциализацией культуры потребления. По его мнению, имплицитным в концепции Ли является аргумент, что современность (первой половины прошлого века в Китае. — В. Ф.) достигается, скорее, через бизнес, а не посредством политики, через достижение лучшей жизни... через трансформирующую силу частного предпринимательства, чем через коллективные акции. Современность возникла, не порывая с прошлым, без мобилизации масс в политические движения (как это было в незападных странах при догоняющих Запад модернизаци-

ях. — В. Ф), а как сумма повседневных практик обычных людей, занятых бизнесом, изданиями, чтением, рекламой, потреблением и т. д. Современность была материальной трансформацией повседневной жизни для сотен и тысяч людей (Lee Leo Ou-fan, 2000), трансформацией повседневной городской культуры Шанхая.

Это пятый тип связи модернизации и культуры — ориентация на уже имеющегося хозяйствующего субъекта и присущий ему тип повседневной городской культуры.

И сейчас уроки китайской модернизации подтверждают верность данной традиции — не порывая с прошлым, как в России, и руководствуясь китайской идентичностью, новый виток модернизации осуществлять не на базе политических реформ, а на основе изменений в хозяйственной жизни. И сейчас хозяйственные навыки в Китае делают население активными предпринимателями. Несмотря на большую роль государства, мотор модернизации — само население. *Это не догоняющая, а скорее национальная модель модернизации, которая происходит на основе собственной культуры для достижения собственных целей.*

Бурные процессы модернизации в современном Китае, связанные с реформами Дэн Сяопина осуществляются на той же основе. Китайцы — глубокие патриоты, не стремящиеся стать похожими на американцев или на кого-то другого. В отличие от тех, кто не преуспел на глобальном рынке, они стали чемпионами этого рынка, не утратив своей китайской идентичности и *характерных признаков собственной модернистской культуры — городской, не потерявшей связи с китайским прошлым, своего утилитаризма, коммерциализации культуры потребления, своего хозяйствующего субъекта.*

Можно ли найти здесь рационального, автономного и владеющего мастерством субъекта модернизации Запада? Скорее, не Запада первой либеральной современности, а Запада второй организованной современности, где социал-демократия и технократия организовали людей для смягчения неравенств, где автономия субъекта не сводилась к коммерческой деятельности, но была тесно связана с ее коммерциализацией, и всегда присутствовало

мастерство, т. е. знание, понимание, умение. Этими чертами обладает китайский субъект модернизации как хозяйствующий субъект, как часть городской культуры, как люди, которым нужно образование для индустриальной модернизации (первичной модернизации) и для формирования уже сегодня общества знания (вторичной модернизации) (Обзорный доклад..., 2011).

Более ранние успешные азиатские модернизации — в Сингапуре (Ли Куан Ю, 2010), Малайзии (Махатхир, 2009), Японии, прошедшие в 1970–1990-е годы, свидетельствуют о выработке *собственных модернистских культур*, которые поддерживают коллективизм, вырастили вследствие реформ коллективного хозяйствующего субъекта, наряду с индивидуальным, что похоже в некоторой степени на западную автономию, имеют рациональность или утилитаризм, выступающий формой рациональности в азиатской культуре. Модернистские культуры в этих странах существуют, отличаясь от модернистской культуры Запада, каждая из них отличается друг от друга.

Россия осуществила в 1990-е годы попытку политической модернизации сверху в отсутствие хозяйствующего субъекта. Ли Куан Ю так описывает свою встречу с М. С. Горбачевым и впечатления от его реформ: «У Горбачева не было уверенности в том, какие шаги следовало предпринять, чтобы решить почти неразрешимые проблемы. Я подумал, что он совершил фатальную ошибку, начав кампанию гласности до перестройки экономики, и что Дэн Сяопин проявил куда большую мудрость, поступив в Китае наоборот» (Ли Куан Ю, 2010: 287). Россия, не использовала *шестого типа связи модернизации и культуры — создания своей модернистской культуры, не отрицающей вестернизации и истернизации, т. е. заимствования успешных примеров модернизации из всех регионов мира.*

Многообразие модернизаций и модернистских культур сегодня является признанным фактом.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИЙ

Прежде всего, складывалось впечатление, что западная модель развития — путь всего

незападного мира. Так можно было утверждать до тех пор, пока среди западных стран не появились собственные образцы и центры развития, не имитирующие Запад. Сегодняшний рост стран Юго-Восточной Азии является впечатляющим. Измерение степени развитости ведет свой отсчет здесь уже не от стран Запада, а от Японии и Китая — самых развитых страны региона, успешно конкурирующих в экономической и технологической сфере со странами Запада. Согласно классификации вьетнамского исследователя Х. А. Хая в Юго-Восточной Азии на основе уровня развития, скорости роста экономики и технологических инноваций, среднего дохода на душу населения можно выделить четыре «эшелона развития»: первый — Япония, ставшая первым модернизированным обществом Востока; второй — страны НИС (новые индустриальные страны) первого поколения — Южная Корея, Гонконг, Тайвань и Сингапур. Эти страны особенно быстро развиваются в течение трех десятилетий и известны под именем «тигров» или «драконов» Азии; третий — НИС второго поколения — группа стран Юго-Восточной Азии — Индонезия, Малайзия, Таиланд и Филиппины. Скорость их развития ниже, чем была у «драконов», но их развитие является быстрым и стабильным; четвертый — остальные страны Юго-Восточной Азии, а точнее Индокитай, включая Северную Корею, Китай, Вьетнам, Лаос, Кампучию, исключение составляет Бруней, развивающийся за счет экспорта сырья. Все эти страны сделали колоссальный скачок в своем развитии.

Но, говоря об особенностях Азии, имеют в виду не только их новых лидеров. Многие страны объединены принадлежностью к Азиатскому региону — Австралия, Бангладеш, Индия, Индонезия, обе Кореи, Китай, Новая Зеландия, Россия, Филиппины, Шри-Ланка, Япония и др. Что общего между всеми этими странами, между богатой Австралией и Новой Зеландией, Японией, развивающим рынок и рвущимся вперед Китаем, бедствующими Бангладеш и Шри-Ланка, которая долгие годы вела борьбу с сепаратистами, Филиппинами, трижды в истории попадавшими под иностранное — сначала католическое испанское,

а в XX в. — под американское, японское и снова под американское влияние, и Россией, пытающейся совершить новый виток модернизации? *Общим является то, что весь этот регион (исключая Россию с ее колебаниями) развивается сегодня, не ставя цели ни предварительной, ни будущей смены своей идентичности, т. е. развивается без радикальной смены своих социокультурных основ:* Австралия и Новая Зеландия, будучи западными в концептуальном смысле странами этого региона, не стали азиатизироваться, остальные страны отказались от необходимости изменения своих народов как предпосылки развития. Такое требование соответствовало прежде всем модернизационным процессам. До 1950-х годов модернизация воспринималась как имитация Запада, это была одна из аксиом развития. Развитие Японии истолковывалось именно в этом смысле: японцы — это немцы Азии. Имитации политических структур, новорожденные всюду — в Латинской Америке, Африке и других местах — «президенты» и «парламенты» не приводили к успешным преобразованиям. Нью-Мехико, Манила и Каир, активно шедшие по этому пути, оказались наводнены деклассированными, люмпенизированными элементами, жаждавшими только хлеба и зрелищ, воспринявшими худшие черты массовых обществ Запада.

Азиатские страны в большинстве своем так далеко находились от этого опыта, что они не просто поняли, а вынуждены были понять, что на этом пути их не ждет успех. В них не было прозападных элит, находящихся в разрыве со своим народом и способных поставить такую национальную цель, как достижение уровня Запада и освоение его культуры. Они были скромны и исходили из возможной, а не желаемой перспективы развития. Осуществляя модернизацию на собственной основе, они создали условия, которые тем не менее медленно меняли людей через образование, технологию, новые навыки, новые социальные структуры, но в большинстве этих стран вопрос о смене идентичности как результате реформ никого не волновал, не ставился в явной форме. Этот вопрос стоял четко лишь в Японии, к чему мы еще вернемся, и был решен обще-

азиатским образом. Так появился новый центр развития, притягательный и своеобразный, породив вызов Азии — и ответ на него: новую возможность развития без разрушения собственной культуры.

Мы не являемся востоковедами и уверены, что многие люди могут сказать о Японии, Азии в целом гораздо больше и лучше нас. Но сегодня нельзя изучать модернизационные процессы без учета опыта Азии. Поэтому мы ориентировались на переведенные статьи японских специалистов и на ряд других источников по проблемам развития Азии, демонстрирующие историческую преемственность позитивных преобразований и значение сопротивляющейся им среды, способность реформаторов использовать и это сопротивление в свою пользу (Федотова В., Колпаков, Федотова Н., 2008). Поскольку процесс этот начался недавно и в условиях глобализации, ставшей ареной конкуренции между этими странами, равно как их конкуренции с другими, *общая модернистская культура незападных стран при этом типе современности (модернити) еще не сложилась*. Просматриваются лишь ее некоторые черты: патриотизм (который, впрочем, есть и на Западе, в особенности в США), конкурентоспособность, устремленность к развитию, утилитаризм вместо западной рациональности, коллективная субъектность, об автономии которой речь может идти скорее, чем об индивидуальной, как по причине влияния традиционных культур, так и массовой культуры, проникшей в Азию. В азиатских странах развито и мастерство, умение, профессионализм. *Но эта начальная характеристика незападной модернистской культуры разбивается на модернистские культуры отдельных незападных стран.*

Мы уже видели появление такой специфичной модернистской культуры на примере Китая. Рассмотрим сказанное на примере Японии.

После Второй мировой войны американские оккупационные власти пытались проводить политику либерализации, чтобы закрыть путь для проведения милитаристских целей через общинные и другие коллективистские структуры. Абсурдным результатом этой политики стало разрушение японской культуры

и японского образа жизни, солидарности и производительности (об этом фильм «Голый остров», победитель одного из международных кинофестивалей). В 1950-е годы японские ученые предложили модель коллективной продуктивности, использующую общинные семейные ценности в жизни и в производстве при условии отказа самого государства от милитаристских целей. Это была основа «японского чуда» — освоения новых технологий, производительности, трудовой этики, коллективной автономии и коллективной производительности, мастерства.

Неожиданный подъем Японии заставил одних признать ее западной страной Азии, а других называть ее страной постмодернизации. *Сегодня про Японию можно сказать, что в период второй современности — организованного модерна XX в. она впервые пошла по пути, характерному для третьего модерна XXI в., вступая в новое Новое время для незападных стран, по которому идут сегодня вся Азия и многие другие незападные страны, используя свои культуры и передовые технологии для решения новых задач. Это тот новый путь формирования модернистских культур в незападных странах, который стал магистральным сегодня.* Постмодернизм оказался сознанием эпохи кризиса второго модерна. Третий модерн приобрел идеологию многообразия модернизаций и модернизмов, и модернистских культур (*multiple modernities*), что отмечено во множестве исследований.

Япония осуществила успешную модернизацию, обогнав европейские страны и Америку не потому, что она следовала какой-то рационально-научной модели, а потому, что сумела использовать традиционные ценности — семьи, труда — в своем развитии. Японская модернизация развивалась на базе ее собственных традиций в ее собственном историческом окружении. Япония не заимствовала европейской модели модернизации и не являлась моделью для других стран. *Самое понятие модели недействительно для такого типа развития.* Американский ученый П. Бергер, пытаясь понять эту новую реальность, показал, что институциональная модель осложняется культурцентристской интерпретацией. Институциональ-

ная модель требует общих структур. Культур-центристская — образа модернистской культуры. Ни того, ни другого в Японии не было.

Японский историк и филолог Такеучи Ешими в работе «Что такое современность?» сформулировал ответ, учитывающий многообразие модернизмов и модернистских культур, вновь подняв вопрос, чем современность предстает для Европы и чем для Востока (Yoshimi, 2004: 53–59). Он дал поразительно диалектическую картину взаимодействия культур и модернизаций Запада и Востока даже в чисто филологическом смысле, не говоря уже о сути дела.

По его мнению, все предсовременное стремится быть названным современным. В этом смысле существует и восточная современность, в наших терминах — восточная модернистская культура. Европа, считает он, взяла на Востоке способ производства, социальные институты и духовность. Для нее самой «современность (модернити) является самоузнаванием, как оно видится из истории... Модернити есть представление о себе Европы, считающей себя дистанцированной от феодализма... (процесс, который включил в себя образование свободного капитала и формирование личности в качестве автономных и развитых индивидов, уважающих друг друга)... Европейцы распространили рынок, как миссионеры распространили царство Бога» (там же: 53–54). Интересно, что тут он подчеркивает уважение людьми друг друга как черту современности. Она, несомненно, присутствует в модернистской культуре Запада, но Восток ее чувствует острее. Когда имам спросил К. Ататюрка, постоянно говорившего о цивилизации, что же такое цивилизация, Ататюрк ответил: «Это когда человек уважает человека».

Такеучи Ешими показывает, что Запад (Европа) подверг Восток насилию и риску, оправданному для Европы тем, что она видела в нем менее развитую культуру. Но давление вызвало ответ, состоявший в том, что Восток сформировал свою модернистскую культуру. Гибкий Восток ответил своим модернизмом. «История сопротивления есть история модернизации, и нет модернизации, которая не прошла сопротивления. Посредством сопротивле-

ния Востока Европа поняла, что она добилась включения Востока во всемирную историю» (там же: 57). Это — нечто, похожее на концепцию «вызова-ответа» А. Тойнби. Восток и Запад, по мнению Ешими, не могут слиться, так же как не могут сделать это жидкое и твердое. Восток, по его мнению, существенно затруднен в понимании не только Европы, но и самого себя. Базис их понимания — их дух.

Итак, седьмой путь взаимодействия модернизации и культуры в Японии возник еще в XX в., вложив немалый вклад в идеи конца модерна и начало постмодерна своей необычностью и непонятностью. Но сегодня он — общий путь третьего модерна — модернизация незападных стран на основе собственной культуры, предполагающей возможность модернистской культуры Востока — следствия его модернизации и отчасти ее предпосылки, а также многообразия модернизаций и модернистских культур незападных стран, включившихся во всемирную историю и в процесс глобализации.

Повторим отмеченные способы связи модернизации и культуры: 1) формирование модернистской культуры на Западе в результате его модернизации; 2) модернизация сфер общества, не затрагивающая культуры, и по этой причине чреватая срывом; 3) победа традиционной культуры над модернизацией, проведенной неграмотно или слишком быстро; 4) учет собственной культуры при осуществлении модернизации незападных стран; 5) учет в модернизации повседневной культуры людей и в особенности хозяйствующих субъектов; 6) несводимость модернизационной культуры к западной, формирование новых модернизационных культур (Востока, отдельных стран); 7) создание модернизационных культур незападных стран на основе традиционной культуры и новых задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахиезер, А. С. (2001) Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. № 2. С. 89–100.

Геллнер, Э. (2004) Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Московская школа политических исследований.

Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу (2002) / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М. : Московская школа политических исследований.

Ламажаа, Ч. К. (2009) Проблема архаизации общества // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 44–48.

Ли Куан Ю. (2010) Сингапурская история: 1965–2000. Из третьего мира — в первый. М. : МГИМО-Университет.

Махатхир, М. (2009) Путь вперед. М. : Харвест.

Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) (2011) / гл. ред. Хэ Чуаньци ; отв. ред. рус. изд. чл.-кор. РАН Н. И. Лапин. М. : Весь мир.

Федотова, В. Г. (1997) Модернизация «другой» Европы. М. : ИФ РАН.

Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008) Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский характер взаимоотношений экономики и общества. М. : Культурная революция.

Lee Leo Ou-fan (2000) The Cultural Construction of Modernity in Urban Shanghai. Some Preliminary Explorations // *Becoming Chinese. Passages to Modernity and Beyond* / ed. by Wen-hsin Yeh. Berkeley ; Los Angeles ; L. : University of California Press. P. 31–61.

Wagner, P. (2001) *Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory*. L. : Sage.

Wagner, P. (1994) *A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline*. L. : Routledge.

Yoshimi, T. (2004) *What Is Modernity? : Writings of Takeuchi Yoshimi* (Weatherhead Books on Asia) / ed. by R. F. Calichman. N. Y. : Columbia University Press.

MODERNIZATION AND CULTURE

V. G. Fedotova

(The Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences)

The paper focuses on the relationship between modernization and culture. Although this is a key issue of modernization theory, it is not yet conceptually elaborated. The most developed part of the theory is the linkage of the modernization of non-Western society with its traditional culture. This led to the beginning of the conception of the national model of modernization and the variety of modernisms.

Keywords: modernization, culture, culture of modernism, types of modernity, the first liberal modernity, the second organized modernity, the third modernity, rationality, goal-oriented rationality.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Akhiezer, A. S. (2001) *Arkhaizatsiia v rossiiskom obshchestve kak metodologicheskaiia problema* // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. № 2. S. 89–100.

Gellner, E. (2004) *Usloviia svobody. Grazhdanskoe obshchestvo i ego istoricheskie soperniki*. M. : Moskovskaia shkola politicheskikh issledovanii.

Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuiut obshchestvennomu progressu (2002) / pod red. L. Kharrisona, S. Khantingtona. M. : Moskovskaia shkola politicheskikh issledovanii.

Lamazhaa, Ch. K. (2009) *Problema arkhaizatsiia obshchestva* // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. № 4. S. 44–48.

Li Kuan Yu. (2010) *Singapurskaia istoriia: 1965–2000. Iz tret'ego mira — v pervyi*. M. : MGIMO-Universitet.

Makhatkhir, M. (2009) *Put' vpered*. M. : Kharvest.

Obzorni doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001–2010) (2011) / gl. red. Khe Chuan'tsi ; отв. ред. рус. изд. чл.-кор. РАН Н. И. Лапин. М. : Ves' mir.

Fedotova, V. G. (1997) *Modernizatsiia «drugoi» Evropy*. M. : IF RAN.

Fedotova, V. G., Kolpakov, V. A., Fedotova, N. N. (2008) *Global'nyi kapitalizm: Tri velikie transformatsii. Sotsial'no-filosofskii kharakter vzaimootnoshenii ekonomiki i obshchestva*. M. : Kul'turnaia revoliutsiia.

Lee Leo Ou-fan (2000) *The Cultural Construction of Modernity in Urban Shanghai. Some Preliminary Explorations* // *Becoming Chinese. Passages to Modernity and Beyond* / ed. by Wen-hsin Yeh. Berkeley ; Los Angeles ; L. : University of California Press. P. 31–61.

Wagner, P. (2001) *Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory*. L. : Sage.

Wagner, P. (1994) *A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline*. L. : Routledge.

Yoshimi, T. (2004) *What Is Modernity? : Writings of Takeuchi Yoshimi* (Weatherhead Books on Asia) / ed. by R. F. Calichman. N. Y. : Columbia University Press.